

ЛЮБОВНЫЕ ЭЛЕГИИ ПРОПЕРЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ ФЕТА

Поэтическое наследие Секста Проперция (около 45 — после 15 до н. э.),¹ поэта эпохи принципата Октавиана Августа, составляет четыре книги элегий, три из которых почти полностью посвящены гетере Цинтии (настоящее имя — Гостия), возлюбленной поэта.

Долгое время Фет оставался единственным, выполнившим перевод полного корпуса стихотворений древнеримского элегика, хотя отдельные его произведения вызывали у поэтов и переводчиков живой интерес. Первое издание «Элегий Секста Проперция» в переводе Фета вышло в свет в 1888 году, но сам перевод, очевидно, был готов раньше, так как в 1887 году поэт уже вел переписку с Л. Н. Майковым, редактором «Журнала Министерства народного просвещения», по вопросу его печати.² Работа над элегиями Проперция оказалась непростой, это отметил и сам Фет, признав, что перевод потребовал больших усилий: «Я полагал, что „Энеида“ представит для меня шуточную работу, и сильно ошибся, так как перевод ее для меня труднее капризного Проперция».³ Действительно, собственный поэтический метод римского поэта исследователи его творчества признают сложным. Обилие архаизмов, грецизмов рядом с лексикой разговорной, игра слов, звукопись, синтаксис стиха с частыми анафорами, стыками, создание собственных слов, склонность к отказу от союзов внутри

¹ Годы жизни указаны по изданию: Элегии Секста Проперция / Пер. А. Фета. СПб., 1888. С. 11. Далее ссылки на это издание: *Фет. Проперций*, с указанием страницы. Переводы Фета из Проперция цитируются в тексте по этому изданию, с указанием номера книги, элегии и стиха.

² Подробнее об этом см.: Переписка Фета с Л. Н. Майковым (1887–1888) / Публ. А. Г. Гродецкой // *ФетСб(2)*. С. 521–551.

³ Переписка А. А. Фета с Д. И. Нагуевским (1887–1890) / Публ. С. А. Ипатовой // *ФетСб(1)*. С. 383.

стихов — представляется, что все эти черты составляли серьезную задачу для переводчика. К тому же свой перевод Фет создал, как и Проперций, элегическим дистихом, который также ограничивал возможности переводчика строгими рамками определенных требований размера.

Высказывания Фета о Проперции свидетельствуют об исключительной симпатии к этому автору: в Предисловии Фет называет римского поэта одним из «оригинальнейших и художественно-правдивых»,⁴ пишет, что «перед нами не простое отражение современных картин и обстоятельств, а самобытная творческая сила, придающая всему свой духовный отпечаток. Это не ассигнации, указывающие на известную ценность, а чистое золото, само представляющее эту цену».⁵ Вероятно, Фету, который в период работы над переводами из Проперция (а также Тибулла и Катюлла) создал большое количество собственных любовных стихотворений, оказались близки такие черты таланта римского поэта, как высокая степень экспрессии, страстность, граничащая с одержимостью, порывистость, противоречивость в изображении любовного чувства и удивительная пластичность создаваемых образов. Отмечая богатство элегий Проперция мотивами, Фет пишет: «Не умом придуманы эти мотивы, а возникли из живого созерцания, как это видно из того, что все они местны, личны, непосредственны и до того пластичны, что кажется, будто мы ощупываем руками вышуклые предметы».⁶

Тема любви составляет главное содержание элегий Проперция. Так, в первой книге, написанной не позже 28 года до н. э., из двадцати двух стихотворений восемь элегий обращены непосредственно к Цинтии (II, III, VIII, XI, XV, озаглавленные Фетом «К Цинтии»; XVII «К Цинтии по случаю морской бури», XVIII «Жалоба в уединении», XIX «К Цинтии»), пять элегий адресованы друзьям и соперникам Проперция, но главную их тему составляет любовь к Цинтии (I «К Туллу», IV «К Бассу», V «К Галлу, желавшему пригласить Цинтию», VI «К Туллу», XII «К другу»), остальные элегии, кроме последних двух,⁷ так или иначе тоже поднимают тему любви.⁸

⁴ *Фет. Проперций*. С. 3.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Там же. С. 9–10.

⁷ Одна из них, XXI, озаглавленная Фетом «Галл говорит», по сути является эпитафией и описывает гибель на перузинской войне родственника Проперция, воевавшего против Августа за Антония. Вторая, XXII, в переводе Фета «Туллу о своей родине», является эпиграммой, в которой Проперций рассказывает приятелю о своей родине.

⁸ VII элегия «К Понтику» и парная ей IX элегия «К Понтику» обращены к эпическому поэту и раскрывают литературную позицию самого Проперция как элеги-

287/5

Старшему другу

Якову Петровичу

ЭЛЕГИИ

Маленькому

СЕКСТА ПРОПЕРЦИЯ

А. А. Фета

Переводъ

А. А. ФЕТА.

судьба не смейте переводить

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, 76.

1888.

«Элегии» Проперция в переводе Фета (СПб., 1888).
Обложка с дарственной надписью Я. П. Полонскому

Мир любовных элегий первой книги крайне субъективен и, видимо, тесно связан с реальной жизнью. Бедность событийного ряда компенсируется богатством и разнообразием описаний любовного чувства, которое изначально заявлено как непростое для поэта: гордая, суровая, непостоянная Цинтия то отвечает поэту взаимностью, вызывая бурный восторг (VIII, 31–46), то держит его на расстоянии, вынуждая мучиться в разлуке (XI, посвященная отъезду Цинтии на модный курорт в Байях), то дает повод подозревать себя в измене (XI, 7–18), то сама обвиняет поэта в неверности (III, 35–46). Влюбленный Проперций в элегиях первой книги восхищается естественной красотой Цинтии (II), клянется в вечной любви (XII), сравнивая любовное чувство по своей силе и интенсивности с горящим огнем (VI, IX), переживает из-за равнодушия любимой (XV), предпринимает попытку излечиться от любви к ней, уехав, видимо, в Афины, но понимает, что это невозможно (XVII).

Вторая книга, созданная между 28 и 25 годами до н. э., самая объемная, она состоит из тридцати четырех элегий, каждая из которых затрагивает тему любви: двадцать пять стихотворений прямо обращены к Цинтии или посвящены непосредственно ей,⁹ остальные декларируют литературную программу Проперция, который противопоставляет свой элегический талант любовного поэта эпосу,¹⁰ или посвящены общим рассуждениям о любви.¹¹ Во второй книге меняется характер

ческого поэта; в X элегии «К Галлу» Проперций поучает приятеля, как вести себя со своей возлюбленной на примере отношений с Цинтией, этой же теме посвящена и XIII «К Галлу»; XIV элегия «К Туллу» поднимает общую для элегических поэтов тему ничтожности богатств перед любовью; XVI «Жалобы двери» разрабатывает любимый поэтами мотив обращения влюбленного к двери, которая не пускает его к возлюбленной; XX элегия «К Галлу» также дидактическая: поэт предостерегает друга, чтобы тот берег своего любимого мальчика, приводя в качестве примера эпизод о Геркулесе и мальчике Гиле.

⁹ II «Похвалы Цинтии», III «К самому себе» (впервые затрагивается новая для любовной элегии тема супружеской любви и верности, ст. 23–24), V «К Цинтии», VI «К Цинтии», VII «К Цинтии», VIII «К другу», IX «К подруге о сопернике», XI «К Цинтии», XIII «К Цинтии», XIV «Радость обладания подругой», XV «Поэт рассказывает о своем блаженстве», XVI «К Цинтии», XVII «Отверженный», XVIII «К Цинтии», XIX «К Цинтии», XX «К Цинтии», XXI «К Цинтии о Панте», XXIV «О Цинтии сопернику», XXV «К Цинтии», XXVI «К Цинтии о приснившемся кораблекрушении», XXVIII «К Зевесу о большой подруге», XXIX «К Цинтии», XXX «К той же», XXXII «К той же», XXXIII «К Цинтии».

¹⁰ I «К Меценату», X «К музе» (предпринимает попытку обратиться к эпическим темам), XXXIV «К Линцею поэту».

¹¹ IV «К влюбленному» (поэт поучает влюбленного и предупреждает о прерывностях любви), XXII «К Демофону» (поэт хвастается своей любвеобильностью), XXIII «О служении любви» (поэт заявляет, что теперь предпочитает про-

изображаемого любовного чувства: поэт прямо заявляет о неверности Цинтии и угрожает отомстить ей тем же (V, IX), говорит, что предпочтет продажную доступную любовь, нежели мучения, которым подвергается его чувство к Цинтии (XXIII). Все чаще в элегиях появляется мотив смерти, похорон лирического героя или его возлюбленной (XI, XIII, XXIV, XXVI, XXVII, XXVIII). Но элегии, мрачные по своему настроению, перемежаются другими, в которых поэт по-прежнему восхищается любимой женщиной, ее красотой, ученостью, талантами (II, III), приходит в восторг от ее благосклонности (XIV, XV), переживает о ней во время ее болезни (XXVIII) и заявляет о своей беспредельной любви (VII, IX, 41–46, XXI, 19–20), а в последней элегии второй книги и вовсе пишет о несомненной верности Цинтии, будто и не обвинял ее ранее в ветрености и изменах (XXXIV, 11–12). Так создается антиномичное, страстное чувство, которое бросает лирического героя из крайности в крайность.

Третья книга (около 22 года до н. э.) насчитывает двадцать пять элегий, содержание которых ощутимо отличается от первых двух книг: из двадцати пяти только девять посвящены непосредственно Цинтии (VI «К Лигдаму», VIII «К Цинтии», X «На день рождения подруги», XV «К Цинтии о Лицинне», XVI «О повелении возлюбленной», XX «К подруге», XXI «К Цинтии», XXIV «О гордыне Цинтии», XXV «К Цинтии»), а само имя героини упоминается Проперцием лишь трижды: в XXI, XXIV и XXV элегиях (в переводе Фета чаще — в заглавиях и комментариях). Первые пять элегий книги, составляющие небольшой цикл, раскрывают литературную программу Проперция, который вновь заявляет о себе как об элегическом поэте.¹²

дажную любовь), XXVII «О неизвестности смертного часа» (о могуществе любви даже перед лицом смерти), XXXI «К Цинтии» (несмотря на название и первые два стиха, в которых поэт обращается к возлюбленной, стихотворение, по сути, представляет собой описание недавно открывшегося портика Феба).

¹² I элегия, оставленная Фетом без названия, и II элегия («Одни стихи избегают смерти») перекликаются с «Памятником» Горация. Проперций заявляет: «Primum ego ingredior puro de fonte sacerdos / Itala per Graios orgia ferre choros» (I, 3–4. Здесь и далее латинский текст цит. по: Sexti Aurelii Propertii Carmina / Recensuit illustravit Christianus Theophilus Kuinoel. Lipsiae, 1805. Т. 1–2) («Я вступаю первым жрецом от чистого ключа, / Чтобы привести греческий хор через италийские таинства». — Здесь и далее подстрочный перевод наш. — Н. А.), по поводу чего Фет замечает в комментарии: «Невзирая на то, что еще за 50 лет перед тем Катулл черпал непосредственно из греческих поэтических источников, каждому римскому поэту казалось, что он делает это первый» (Фет. *Проперций*. С. 126). А стихи 15–24 элегии II прямо отсылают к «Egegi monumentum». III элегия, в переводе Фета «Сон Проперция», также посвящена вопросу творческого самоопределения римского поэта: во сне боги запрещают поэту обращаться к эпическим темам и прика-

К программным стихотворениям примыкает также IX элегия («К Мecenату»), где Проперций соглашается наконец последовать совету Мecenата обратиться к описанию римской жизни, создавая «ученые элегии». Появляются элегии, где тема любви либо отсутствует вовсе,¹³ либо служит рамкой для, например, философских рассуждений о корыстолюбии и женском бесстыдстве или иных предметах.¹⁴ Встречаются и любовные элегии, основной темой которых является уже не любовь к Цинтии, а другие любовные сюжеты, или же Цинтия упоминается, но вскользь.¹⁵ Поэт говорит о своем желании излечиться от мучительной любви (XII) и, в конце концов, заявляет об окончательном разрыве с Цинтией (XXIV, XXV). Проходящая лейтмотивом через первые две книги мысль о том, что поэт принадлежит своей возлюбленной и живой, и мертвый (см., например: 1-я кн., XII, 20; 2-я кн., XV, 36 и др.), прозвучавшая и в третьей книге (см. XV, 46 «Te solam et lignis funeris ustus amem» — «Тебя единственную и сожженный дровами погребения я буду любить»), завершается в XXI элегии

зывают посвятить себя элегическому искусству. Тезисы, изложенные в I—III элегиях, иллюстрируют элегии IV и V. В IV элегии, «Триумф Цезаря», стихи 1—14 посвящены политической теме, новому походу Августа, написаны патетическим тоном со множеством императивов. Начиная со стиха 15 лирический герой заявляет, что за триумфом он будет наблюдать, прижавшись к груди возлюбленной, и, прося Венеру оградить Августа, сам предпочитает оставаться в стороне от военных действий. Своеобразный миницикл замыкает V элегия, «К раздраженной подруге». Обращаясь, по-видимому, к Цинтии, хоть она до сих пор не была названа ни разу, поэт говорит, что не желает ни богатств, так как они бессмысленны, ни воинской славы, свои юные годы он желает посвятить поэзии и любви, а старость — наукам. По сути, в этой элегии Цинтия упоминается лишь во втором стихе (у Фета описательно еще и в заголовке), а само стихотворение представляет собой философское размышление.

¹³ XVIII («Плач о смерти Марцелла», племянника Августа), XXII («К Туллу»), где восхваляется Рим.

¹⁴ XI («Могущество женщин», рассуждения о поступках разных героинь, которые заканчиваются восхвалением Цезаря), XIII («О корыстолюбии дев», Проперций отвлеченно рассуждает об опасностях богатства и алчности), XIV («К Спарте о Лаконских играх», где сравниваются обычаи Спарты и Рима).

¹⁵ VII («На смерть Пэта из-за корысти», плач о смерти друга во время морского похода, в последних двух стихах этой элегии поэт вновь заявляет, что лучше останется у дверей госпожи — Цинтии), XII («К Постуму о Галле», в ней появляется новая для античной любовной элегии тема супружеской верности и любви), XVII («К Вакху», поэт обращается к Вакху, чтобы тот помог избавиться ему от мучительной любви), XIX («О необузданности женщин», начинаясь с предположительного обращения к Цинтии, переходит в отвлеченное рассуждение о женском бесстыдстве), XXIII («Потерянные таблички», таблички для записей, в этой элегии описательно упоминается Цинтия, но снова косвенно).

заявлением, что если герой и погибнет, то причиной тому будет не «постыдная любовь» («non turpi <...> amore») (ст. 33).

В четвертой книге, состоящей из одиннадцати элегий, возрастает дистанция между художественным миром и действительным. Содержание стихотворений меняется: шесть элегий, входящих в эту книгу, так называемые этиологические,¹⁶ описывают Рим, его историю, мифы, и лишь две элегии из всей книги посвящены Цинтии (в переводе Фета озаглавлены «О Цинтии»), обе ретроспективны и обращены к уже умершей возлюбленной. VII элегия, печальная по своему содержанию, пронизанная грустью, описывает сон героя, в котором ему является Цинтия. Она обвиняет поэта в черствости и клянется в своей верности. Следующая за ней VIII элегия — противоположность предыдущей по настроению, в дружеском шутовском тоне описывается сцена измены героя и ревности Цинтии. К любовным также относятся III, V и XI элегии. III элегия, озаглавленная в переводе Фета «Письмо Аретузы к Ликоте», является посланием жены своему мужу, который находится в военном походе. Таким образом, любовная тема в четвертой книге меняется: основная линия первых трех книг уступает место разработке новой для римской элегии темы супружеских отношений. Искусные уловки корыстных девушек, стремящихся очаровать очередного влюбленного, жестоко порицаются в V элегии («Сводне»). Свое развитие новое звучание любовной темы получает в заключительной, XI элегии, озаглавленной Фетом «Корнелия к Павлу». В ней описано реальное историческое событие — смерть Корнелии, жены консула Павла, элегия представляет собой речь умершей на загробном суде. Вместе с тем эта элегия имеет явную переключку с VII элегией, в которой Проперций описывает смерть и погребение Цинтии.

Содержание четвертой книги свидетельствует о том, что Проперций, видимо, старался обратиться и к другим предметам, кроме любви, а сама любовная элегия изменилась и обогатилась новыми темами. В то же время границу между «римской» и любовной элегией следует проводить с осторожностью, так как «римская» элегия в четвертой книге порой обогащается любовной темой, пусть и имеющей своим объектом уже не Цинтию: например, IV элегия («Тарпея») рассказывает историю Тарпеи, которая предала Капитолий сабинскому царю Тацию из-за любви к нему, и поэт, порицая ее предательство, тем не менее будто оправдывает его влюбленностью героини.

Поэтика любовных элегий Проперция сложна и содержит как общие для любовных элегий места (порицание корысти, жажды наживы,

¹⁶ I («О городе Риме»), II («Вертумн»), IV («Тарпея»), VI («Об акциумской морской битве»), IX («О Геркулесе и смерти Кака»), X («Юпитер Феретрий»).

мотив любовного рабства, надписи на коре дерева, жалобы влюбленного юноши под дверью возлюбленной, противопоставление военных подвигов и мирной жизни рядом с любимой и т. д.), так и собственные уникальные черты. Для элегий Проперция характерно описание возвышенных тем (например, темы смерти поэта или его любимой) через упоминание мелких бытовых деталей, поэт насыщает интимный мир любовных элегий множеством бытовых предметов, упоминаниями исторических фактов, реалий повседневной жизни римлянина августовской эпохи. Личное чувство к женщине поэт изобразил на мифологическом фоне, сравнивая свою возлюбленную с героинями мифов и реальными историческими персонажами. Мифологический текст, частое упоминание сюжетов эпоса, сравнения с троянской Еленой, особый стиль (обилие анжамбеманов, сложных прилагательных, архаизмов) позволяют говорить о наличии эпических черт в элегиях Проперция. Поэт словно заявляет, что любовные «сражения» столь же важны и значимы, как и настоящие, и что любовная тема столь же серьезна, как и эпическая.

Выполнив, согласно своей концепции, близкий к исходному тексту перевод, Фет внимательно отнесся к формальной стороне оригинала: распределение элегий по четырем книгам, а также сами границы элегий внутри книг были сохранены переводчиком соответственно тем редакциям латинского текста, которыми он пользовался.¹⁷ Придерживаясь принципа эквилинеарности, Фет оставил без изменений расположение стихов в элегиях и их количество. Но верность размеру послужила причиной и ряда отступлений от стилистического рисунка оригинала: например, во многих случаях в переводе не удалось сохранить анафоры, стыки, лексические повторы, звукопись стиха. Так, в IV элегии второй книги, призывая влюбленного наслаждаться обществом юношей, а не девушек, Проперций заявляет: «**Alter** saepe uno mutat praecordia verbo: / **Alter**a vix ipso sanguine mollis erit». В переводе эти стихи звучат так: «**Часто** сердце того одному покоряется слову; / **Эта** и кровью самой даже смягчится едва» (ст. 21–22).¹⁸ Как видим, единоначалие стиха Проперция в переводе упущено. В VIII элегии второй книги ставшей крылатой фразой «*Omnia vertuntur, certe vertun-*

¹⁷ Фет называет четыре источника латинского текста, которыми пользовался при переводе элегий Проперция: «Настоящий перевод по отношению к тексту составлен главным образом по четырем изданиям: ныне устаревшему Квинелю, в большинстве случаев исправлен по Лукиану Мюллеру, и затем в некоторых местах предпочтение отдано изданиям Палея и Беренса» (*Фет. Проперций*. С. 10. Подробнее об источниках латинского текста см.: Переписка Фета с Л. Н. Майковым (1887–1888). С. 527).

¹⁸ Здесь и далее выделено нами. — Н. А.

Иногда характерные стилю римского поэта приемы появляются в переводе, когда в стихе Проперция они не используются. Такие отступления, на наш взгляд, передают читателю общее представление о стиле римского поэта и не вносят существенных изменений в художественный мир элегий. Например, в XI элегии первой книги при характеристике курорта Байи «**Multis** ista dabunt litora dissidium. / **Litora**, quae fuerant castis inimica puellis» Фет перевел: «**Этот берег** уже многих к разлуке привел. / **Этот берег**, что так целомудренным девам враждебен» (ст. 28–29). Дополнительная анафора, которой нет у Проперция, усиливает экспрессию конкретного стиха; этой же функции служит и лексический повтор в следующей строке, отсутствующий в оригинале: «Ah! **pereant** Baiae **crimen** amoris aquae» («Ах, пусть погибнут воды Баи, преступление против любви») в переводе звучит: «Ах, да **погибнет** вода Баи, **погибель** любви» (ст. 30). В XII элегии третьей книги («К Постуму о Галле») Фету не удалось сохранить аллитерацию стихов Проперция, придающую повествовательную интонацию, однако размерности тона поспособствовали анафоры на союз «и»:

Scyllaque, et alternas scissa Charybdis aquas.	Сцилла, Харибда затем с разным течением воды.
Lampetis Ithacis verubus mugisse iuuencos, (Paverat hos Phoebos filia Lampetie)	Рев лампэтиных тельцов на рожнах итакийских, (Их Лампетия, дочь Феба, сама стерегла).
Et thalamum Aeaeae flentis fugisse puellae,	И из спальни побег от плачущей девы ээйской,
Totque hiemis noctes, totque natasse dies.	Плаванье стольких ночей зимних да столько и дней.
Nigrantesque domos animarum intrasse silentium;	И нисхождение во мрак обители душ молчаливых,
Sirenum surdo remige adisse lacus.	И с оглушенным гребцом близость ко взморью Сирен.

люю; цвет тот и другой вас влечет. / **Видели** ту, что была аргивской деве подобна, / **Видели** наших; и вид нравится тот и другой». В переводе IX элегии третьей книги («К Мecenату») в стихах 17–18 сохранились анафоры: «**Est quibus** Eleae concurrunt palma quadrigae: / **Est quibus** in celeres gloria nata pedes» — «**Есть, что** пальмы себе добывают элейской четверкой, / **Есть, что** славу себе в быстрых находят ногах». В I элегии четвертой книги, в которой Проперций воспевае Рим, но вновь заявляет о том, что он прежде всего поэт любви, при переводе стихов «Scandentisque arcis consurgit vertice **murus**, / **Murus** ab ingenio notior ille tuo» Фету удалось сохранить стык: «И на вершине высот встающих возносятся **стены**, / **Стены**, что песней твоей стали известней теперь» (ст. 125–126) и др.

Tundet ad Idaeos cymbala gauca choros.	Ударит в идейских хорах в гудящие кимвалы.	В хоре идейском своем в зычный ударит кимвал. (ст. 33–36)
--	--	--

При переводе этих стихов, описывающих торжество богов, Фет вместо простого прилагательного «mollia» («mollis» среди прочих имеет значения «приятный, сладостный, искусный, чувственный») использует «сладострастно» (заметим, что в этой же элегии в стихе 19 «tua cornua» («твои рога») переведено «рогоносный (Вакх)»).

В приведенных примерах из XVII элегии хорошо видна еще одна особенность стиля Проперция — частое использование грецизмов, дань александрийской школе. Фет сохранил грецизмы, где это было возможно. Кроме того, в переводе элегий часто встречаются имена греческих богов, тогда как у Проперция упоминаются в основном римские названия. Например, имя «Jupiter» Фет чаще заменяет на греческий вариант этого имени «Зевс» (см., например, 2-я кн.: XXXII, 60, XXXIV, 18; 3-я кн.: II, 18, III, 12, IX, 15; 4-я кн.: I, 54, IV, 2, X, 48). Точный перевод встречается в заглавиях, в самом же тексте элегий — очень редко (см.: 3-я кн., XI, 28; 4-я кн., X, заглавие, 15–16). Можно предположить, что данный вариант перевода был выбран не только из-за различного характера языковых единиц и, в частности, длины слов (ср. лат. род. падеж «Jovі» и русский — «Юпитера»), такие имена попутно выполняли и функцию внесения греческого колорита в латинскую элегию.

Изображение личного, интимного чувства на фоне мифологического текста как особенность поэтики любовных элегий Проперция Фет особо отметил в Предисловии: «...он (Проперций. — Н. А.) всюду успешно прибегает к ласкательствам. Таков строй его элегий, в которых он все ее (Цинтии. — Н. А.) недостатки и пороки украшает цветами поэзии, приравнивая ее ко всем богиням и героиням, прославившимся любовными похождениями, так как и они, стоя вне семьи, были в этом отношении гетерами».²¹ Римский поэт часто использовал наряду с известными мифами малопопулярные мифологические сюжеты, щеголяя ученостью. Понимание таких мест в тексте элегий представляло уже определенную трудность для читателей — современников Фета, поэтому перевод всех мифологических сюжетов Фет сопровождал комментариями, где подробно объяснил смысл каждого описываемого мифа, тем самым реализуя и просветительскую цель. Пропуски и изменения при переводе мифологического текста встречаются редко и не являются существенными, так как не изменяют

²¹ Фет. Проперций. С. 9.

смысл стиха, сохраняя основную функцию — представление частной истории любви на фоне общекультурного контекста.

Так, в I элегии третьей книги, в которой, «чувствуя сам силу своего вдохновения и мастерства в элегической форме, Проперций предвидит бессмертие своего имени»,²² стихи «At mihi, quod vivo detraxerit invida turba, / Post obitum duplici foenore reddet Honos» («Но мне, чего бы при жизни ни лишила завистливая толпа, / После смерти двойную прибыль вернет Хонор») Фет перевел: «Но чего бы меня при жизни толпа ни лишила, / Почесть с прибытком двойным мне после смерти воздаст» (ст. 21–22), заменив имя римского бога чести словом «почесть» и тем самым больше акцентировав смысл стиха: отдаст должное поэту сама толпа, которая при жизни не оценила его достоинств, а не божество. В V элегии четвертой книги («Сводне»), которая начинается чередой проклятий в адрес сводни, Проперций в том числе заявляет, что она могла бы склонить к Венере даже Ипполита («Dosta vel Hippolytum **Veneri** mollire negantem»). Фет переводит следующим образом: «Ты, что к **любви** преклонить Ипполита упряма смогла бы» (ст. 5), вновь не сохранив имя собственное богини любви и заменив его на слово «любовь». Венера — богиня телесной любви, но этот смысл не теряется, так как очевиден из контекста данного стиха, отсылающего к известному мифу об Ипполите и его мачехе Федре, пытавшейся соблазнить своего пасынка. Иногда Фет, наоборот, использует имя бога тогда, когда Проперций выбирает перифразу: например, в XXVI элегии второй книги («К Цинтии о приснившемся кораблекрушении») «Nec deus et terras et maria alta domat» («этот бог и земли, и глубокие моря усмиряет») Фет перевел: «Ведь же Амур над землей и над морями царит» (ст. 52). Подобные изменения, вероятнее всего, вызваны, с одной стороны, желанием добиться большей прозрачности стиха для современного Фету читателя, с другой — необходимостью уместить перевод в рамки элегического дистиха и не несут дополнительной коннотации.

Упоминания различных бытовых деталей, реалий Рима эпохи Августа, исторических и политических событий, а также элементов духовной культуры (суеверий, обрядов, колдовства), которыми так богат мир элегий Проперция, также в большинстве переведены Фетом точно. Редко, однако встречаются стихи, где название предмета римского быта заменяется на аналогичное по смыслу, но русское.

Так, в I элегии четвертой книги («О городе Риме», где пророк указывает лирическому герою на его предназначение именно как любовного поэта) упоминается традиционный амулет «bulla» (носили на

²² Фет. Проперций. С. 126.

груди дети полноправных граждан), который был призван оберегать от злых духов, а также демонстрировать определенный социальный статус мальчиков: «Mox, ubi bulla rudi dimissa est aurea collo, / Matris et ante deos libera sumta toga» («Как только золотая булла была снята с неопытной шеи, / и перед богами матери была надета вольная тога»). Фет перевел «bulla» уменьшительным «ладонка», означающим также амулет, изначально с ладаном, затем с любым талисманом в качестве оберега: «Как с неопытной шеи ты ладонку снял золотую / И пред богами родной вольную тогу надел» (ст. 131–132). Таким образом, смысл стиха не меняется, но в римской элегии появляется предмет русской национальной культуры. Однако чаще лексика, описывающая бытовые детали, переведена почти буквально: «Cur pardo flammae non oluere meae? / Hoc etiam grave erat? nulla mercede hyacinthos / Iniicere, et fracto busta piare cado» («почему не пах мой костер нардом? / даже это тяжело было? даром гиацинты / бросить и воздать почести погребальному костру разбитой урной») — «Нарда зачем не слышать в пламени было моем? / Тяжко ль то было тебе? Ничего бы не стоило кинуть / Гиацинтов, или кружку разбить над костром» (4-я кн., VII, ст. 32–34).

Подобная насыщенность мелкими бытовыми подробностями стиха, затрагивающего серьезные темы (в данном случае погребение возлюбленной поэта — Цинтии), является одной из самобытных черт стиля Проперция. Противоречивость описания серьезных сюжетов через самые обыденные, бытовые детали наблюдается не только на образном уровне, но и на уровне лексики: богатство архаизмов элегий римского поэта соседствует с разговорной и иногда даже пренебрежительной лексикой. Эту особенность Фет почувствовал и передал в переводах, смешав лексику высокого и низкого стилей, причем часто даже в тех случаях, где сам Проперций использует нейтральный стиль.²³ Употребление лексики разных стилей в рамках одной элегии доводит контрастность в изображении чувств до крайности. Например, в переводе VI элегии первой книги, где Проперций рассуждает о том, что военные походы не для него, и позиционирует себя как элегического поэта, последовательно введена лексика высокого стиля, что соответствует теме элегии: «cognoscere» («познавать, узнавать, постигать, знакомиться») переведено «сведать» (*устар.*) (ст. 13), «cernere» («различать, разбирать, замечать, видеть, познавать, узнавать») — «узреть»

²³ См., например: «indociles <...> vias» («незнакомыми путями») — «неуказным путем» (*устар.*) (1-я кн., II, 12), при обращении к богиням «patae» («дочери») — «дщери» (*устар., высок. церк.-слав.*) (1-я кн., XVII, 25), «rudis» («неученый») — «неук» (*устар., прост.*) (1-я кн., IX, 8), «salebras» («неровности, кочки») — «колдобины» (*прост.*) (3-я кн., XVI, 15) и др.

(устар.) (ст. 14), «insanis (manibus)» («разгневанными (руками)», «insanus» — «безрассудный, безумный, сумасшедший, иступлённый, бешеный») — «ярой (рукой)» (высок.) (ст. 16), «durius» (срав. ст. от «durus» — «суровый, трудный, тягостный, тяжкий, строгий») — «лютей» (книжн., поэт.) (ст. 18), и одновременно используется разговорная лексика — «Illa mihi totis argutat noctibus ignes» («Она мне целые ночи болтает об огнях»; «arguto» — «много говорить, болтать, пустословить, стрекотать») Фет перевел: «Целые ночи трещит она о любви мне горячей» (ст. 7), что придает шутовское настроение описываемому любовному эпизоду и в оригинале, и в переводе. В стихе 1 XVI элегии первой книги стилистически нейтральное «fueram <...> patefacta» («была открыта», «patefacio» — «широко раскрывать, распаивать») Фет переводит устаревшим поэтическим «отверста», в стихе 42 «oscula» («поцелуи») — «лобзания» (устар., поэт.), а в стихе 46 той же элегии «obstrepiit» («obstrepro» — «шуметь, гудеть, завывать, мешать, беспокоить, докучать, надоедать») переведено разговорным пренебрежительным «орет» (влюбленный юноша под дверью своей возлюбленной).

Используя в переводе более выразительную лексику, чем в оригинале, Фет усилил экспрессию стиха. Например, во второй книге, где наблюдается появление мотивов ревности, измены, погребения и возрастает противоречивость в изображении любовного чувства, усиление негативного настроения проявляется в оригинале и на уровне лексики: увеличивается количество слов с негативной коннотацией («indigna merce», «immunda casa», «demens», «miser» и др.). В переводе Фета подобные слова иногда опускаются до бранных. Например, в XVI элегии («К Цинтии»), где описывается ревность поэта и связь его возлюбленной с неким претором, «indigna merce» («за недостойные вещи»), что подразумевает подарки, которыми претор одаривает алчную Цинтию, Фет перевел «за дрянь» (разг.) (ст. 16); в XXIII элегии, озаглавленной в переводе «О служении любви», «immunda latere casa» («засесть в мерзкой лачуге») переведено разговорно-сниженным «в мерзостной хате засесть» (попавшись сторожу) (ст. 10); в XXX элегии («К той же»), где поэт в числе прочего призывает Цинтию уединиться с ним и жить в горных пещерах, «furta Iovis» («тайные любовные связи Юпитера») переведено «шашни Зевесовы» (прост., неодобр.) (ст. 28). И при этом в переводе Фета сохраняется большое количество устаревших слов и высокой лексики. Например, в упомянутой выше XVI элегии наряду с разговорной появляется и лексика высокого стиля: «subaris» («subo» — «лежать, покоиться») — «опочила» (устар., высок.) (ст. 23), «carinis» («carina» — «корабль, судно, киль корабля») — «ветрила» (устар.) (ст. 39), «manu» («рукой») — «дланью» (устар., высок.) (ст. 42).

Отметим, что широкое использование слов высокого стиля характерно и для перевода определенных тем. Так, возвышенная поэтическая лексика появляется тогда, когда речь идет об Августе и членах его семьи, о богах, когда Проперций рассуждает о своем предназначении как поэта, изображает картины идеальной по отношению к современности древности. Например, в упомянутом стихе 42 перевод «*manus*» («рука») как «длань» выполнен в строке, восхваляющей Августа, тот же перевод Фет использовал снова в стихе 18 X элегии второй книги («К Музе»), также посвященном подвигам Августа («*manus*» («руки») — «длани»).

Проперций — поэт сильной страсти, его элегии очень выразительны; всю силу экспрессии его стихотворений средствами иного языка передать очень сложно. Не получилось сохранить, например, такие особенности стиля, как отказ от союзов между двумя высказываниями внутри строки, что само по себе служит усилению динамики и выразительности стиха. Тем не менее Фету удалось создать перевод, отличающийся высокой экспрессией, за счет иных поэтических средств. Так, большей выразительности стиха послужило не только использование разностилевой лексики, но и распространение изображаемых образов дополнительными определениями, которых нет в оригинале: например, стих «*cecidit spiritus ille tuus*» («тот твой дух упал») в переводе звучит «с высоты дух твой надменный упал» (2-я кн., III, 2), «*placidis <...> aequoribus*» («тихими водами») — «тихой равниною вод» (1-я кн., VIII, 20), «*exactis <...> equis*» («точными конями»; «*exactus*» — «точный, тщательный, аккуратный») — «дивным изделием коней» (3-я кн., IX, 10) и пр.

Часто Фет изменяет стих Проперция, используя слова, обозначающие звук, цвет, положение в пространстве. Так, «*sed iaceat tacita lapsa catena sera*» («но цепь распростершаяся лежит с молчащим запором») переведено: «И с негремящим замком цепь распростерта лежит» (4-я кн., XI, 26). Фет вводит дополнительные оттенки, заставляет образ «звучать» при помощи отглагольного прилагательного «негремящим». В XII элегии третьей книги стих «*Lampetias Ithacis verubus mugisse iuencos*» («мычание лампетийных бычков на итакийских рожнах») Фет перевел: «Рев лампéтийных тельцов (*устар.* — Н. А.) на рожнах итакийских» (ст. 29), усиливая «звучание» образа — в переводе тельцы режут, а не мычат.²⁴ В XVII элегии третьей книги стихи «*Laevis odorato cervix manabit olivo, / Et feriet nudos veste fluente pedes*» («Бла-

²⁴ В комментарии к этому стиху Фет дает следующее пояснение: «Речь идет о быках Гелиоса, которых съели спутники Одиссея и которых мясо (Одис. XII, 395), уже снятое с вертелов, издавало рев» (*Фет. Проперций*. С. 132).

говонной душистой мазью будет полит изящный затылок / И будешь касаться ниспадающим платьем голых ног» — строки посвящены Вакху) Фет перевел: «Благоуханьем улит твой будет прекрасный затылок, / И затрепещут концы платья по голым ногам» (ст. 31–32), выбрав форму глагола «затрепещут» и тем самым усилив динамику стиха. Стоит отметить, что иногда встречаются стихи, где переводчик, наоборот, отказывается от оригинального эпитета, упрощая поэтический образ (например, «*maria alta*» («глубокие моря») Фет перевел «морями» (2-я кн., XXVI, 52) и др.) — вероятнее всего, эти изменения можно объяснить формальными требованиями к длине строки.

Таким образом, несмотря на бесспорную точность перевода, порой доходящую до дословности, тщательное сохранение описаний всех событий, деталей, скрупулезность в передаче психологических нюансов любовного чувства, которым одержим главный герой, художественный мир любовных элегий Проперция меняется. Изменения прослеживаются на протяжении переводов всех четырех книг, и речь идет не только о вышеперечисленных приемах. Поэт иного времени, иной национальности, иных эстетических принципов, Фет, вольно или невольно, преобразил оригинальный текст элегий античного автора. Эти изменения выразились, прежде всего, на лексическом уровне, когда для передачи смысла стиха Фет выбирает не нейтральную лексику, а ту, которая обладает определенной культурной коннотацией. Например, эпитет «*siga*» («возлюбленная, милая»), которым Проперций наделяет Цинтию, Фет переводит «зазноба» (1-я кн., I, 36; 2-я кн., XXXIV, 9), что вызывает ассоциации с русским фольклором. Это же слово Фет упоминает в комментарии к стиху 32 XVI элегии второй книги: «An *dolor hic vitiis nescit abesse suis?*» («Или моя боль не в состоянии держаться в стороне от своих пороков?»), в переводе Фета: «Иль от пороков твоих *скорбь моя* все не уйдет?». Уточняя не совсем ясный смысл выражения, Фет отметил: «*боль моя* — здесь стоит вместо особы, принимающей эту боль, вроде нашего зазноба, смысл: Или зазнобе моей бросить пороков нельзя?». ²⁵ В стихе 24 XV элегии первой книги («К Цинтии»), обвиняя возлюбленную в обмане, поэт ей говорит, что ей не удастся быть «*nobilis historia*» («благородным предметом толков», «*historia*» здесь — «тема рассказа, предмет толков, сообщение, повествование»), Фет перевел «благородным преданьем», что также может вызывать ассоциации с фольклорным жанром — преданием, передающим рассказ из уст в уста. К народной традиции можно отнести и такие наименования Цинтии, как «девица» (*устар., нар.-*

²⁵ Фет. Проперций. С. 88.

поэт., в оригинале «puella» — «девушка») (2-я кн., XIII, 11) или «дева-краса» (поэт., устар., в оригинале «formosa» — «стройная, изящная, красивая, прекрасная») (2-я кн., XXXIV, 4), что придает образу Цинтии черты фольклорной красавицы, «красной девицы». Также в духе народного по стилю разговора в некоторых элегиях Фет перевел обращения к друзьям поэта: например, «fratres» («братья») — «братцы» (2-я кн., XXIX, 19), «o socii» («о товарищи»; «socius» — «товарищ, спутник, союзник») — «Ну-те же, други» (3-я кн., XXI, 11), в той же элегии «amici» («друзья») — «друзья дорогие» (ст. 15).

Античный колорит любовных элегий Проперция изменяется и при появлении устойчивых выражений русского языка: например, латинский фразеологизм «ita sim felix» («клянусь своим счастьем») Фет перевел русским фразеологизмом «в час добрый сказать» (1-я кн., VII, 3), «vicimus» («мы победили») — «наша взяла» (1-я кн., VIII, 28), «nunquam» («никогда») — «не буду вовек» (2-я кн., XXII, 20), «Aut si es dura, nega: sin es non dura, venito» («Если ты злишься, откажи: если ты не злишься, приходи») — «Если в сердцах, откажи; когда не в сердцах, приходи же» (2-я кн., XXII, 43), «aequa, et iniqua» («правду и неправду») — «правду и кривду» (2-я кн., III, 50), «Ter quater <...> felix» («трижды, четырежды блаженный») — «блаженный стократ» (3-я кн., XII, 15), «furibunda decens» («украшенная бешенством») — «в сердцах хороша» (4-я кн., VIII, 52). При этом иногда Фет сохраняет и устойчивые латинские выражения. Так, в VIII элегии второй книги «omnia vertuntur» («всё вертится») (ст. 7) переведено дословно; в VII элегии третьей книги «terque quaterque» («трижды, четырежды») (ст. 6) также оставлено без изменений.

Черты иной, отличной от античной, культуры появляются в переводе и при использовании слов, связанных с церковной традицией. Например, фразу «memorator Homerus» («повествователь Гомер»; «memorator» — «повествователь, рассказчик») Фет перевел: «Гомер огласитель» (церк.-слав.) (3-я кн., I, 33), «veste» («одеждой»; «vestis» — «одежда, платье, одеяние, покров») — «ризой» (что означает в том числе и церковную одежду) (4-я кн., I, 118) и др.

Изменения в тексте, связанные с внесением в римскую элегию признаков русской церковной, христианской традиции, встречаются на протяжении всех четырех книг. Например, «sancte» («благоговейно, благочестиво, свято») Фет переводит «богомольно» (2-я кн., XXVI, 26), «sanctos» («благочестивых») — «богобоязных» (3-я кн., VII, 16), «deierat» («торжественно клянется») — «божится» (4-я кн., III, 42). В XI элегии четвертой книги, посвященной смерти жены консула Павла — Корнелии, Фет существенно меняет смысл заключи-

тельного стиха — «*Cuius honoratis ossa vehantur avis*» («Чтобы кости неслись к почтенным предкам») переведено: «Чтобы вознесся мой дух к предкам своим в торжестве» (ст. 102). Такое расхождение объясняется отличием религиозных взглядов Проперция-язычника и Фета-христианина. Поэтому в русском стихе и появляется даже не душа — «дух вознесся», это внесенный Фетом дополнительный христианский по содержанию смысл.

Большое количество изменений в переводе Фета связано с лексемой «душа»: это слово появляется во многих стихах, посвященных описанию любовного чувства. Так, стих «*Ah pereat, si quis lentus amare potest*» («О, пусть пропадает, если кто может ленивый любить») в переводе звучит: «О пропади, кто любить может с холодной душой» (1-я кн., VI, 12), «*Crede mihi, quamvis contemnas murmura famae*» («Верь мне, хотя ты презираешь говор молвы») — «Верь мне, хотя ты в душе и говор молвы презираешь» (2-я кн., V, 29), «*Hic genus infidum nuptarum: hic nulla puella / Nec fida Evadne, nec pia Penelope*» («Тут род неверный жен: тут ни одна девушка / И ни верная Эвадна, и ни бедная Пенелопа») — «Жены неверны у нас; ни одна тут из дев не сравнится / Ни с Эвадной в душе, ни с Пенелопой честной» (3-я кн., XIII, 23–24) и др.

Новые оттенки, появляющиеся в переводе некоторых стихов, обусловлены и романтическим характером метода Фета. Например, образ «*lumina nigra puellae*» («черные глаза девушки») переведен как «взор черноокой девы» (2-я кн., XII, 23), «*Arabio bombyce*» («арабским шелком») — «дымкой арабскою» (2-я кн., III, 15), «*fracta carina*» («разбитый корабль») — «остов челна» (2-я кн., XXV, 24), «*Dulcis ad extremas fuerat mihi rixa lucernas*» («Сладкая мне была ссора при меркнущих лампадах») — «Сладостен был мне раздор при последнем мерцаньи лампы» (3-я кн., VIII, 1) и др. В V элегии третьей книги («К раздраженной подруге»), где Проперций заявляет, что предпочитает «сражения» с Цинтией, нежели завоевания земель и богатства, стихи 21–22 «*Me iuvat et multo mentem vincire Lyaeo, / Et caput in verna semper habere gosa*» («Мне приятно и терять сознание в обилии Лиея, / И голову иметь всегда увенчанную весенними розами») Фет в духе русского романтизма переводит: «Мне отрадно терять сознание в обилии Ли-ея, / Вечно увивши чело розовым внешним венком». Вариант «вешний», который выбран для перевода «*verna*» («весенний, вешний»), часто встречается и в лирике Фета;²⁶ слово «отрадно» (вместо «*juvat*»,

²⁶ См.: «Странное чувство какое-то в несколько дней овладело...» (1847), «Соловей и роза» (1847), «В дымке невидимке...» (1873), «Прости — и все забудь в безоблачный ты час...» (1886), «Кукушка» (1886), «Сентябрьская роза» (1890), «Весь

от «juvo» — «помогать, поддерживать, радовать, веселить, доставлять удовольствие, нравиться») также характерно для языка русского поэта и появляется в его оригинальных стихотворениях не раз:

Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокой,
Еще горит в моей крови.
<...> (1887)²⁷

Фет очевидно отдает ему предпочтение и при создании переводов, слово «отрада» и его производные появляются в самых разных элегиях (причем не только в любовных) всех четырех книг. Так, в переводе элегий первой книги они используются девять раз, в семи элегиях из двадцати четырех, еще шесть раз во второй книге, два раза в третьей и один раз в четвертой.

Во II элегии первой книги суперлятивная форма «*gratissima*» («милейшая») при характеристике Цинтии переводится Фетом «отрада» (ст. 31); в IX элегии в стихах, где говорится о том, что высказать свои думы «*in amore levat*» («облегчает в любви»), Фет переводит «отраднo в любви» (ст. 34); перевод X элегии «К Галлу» начинается с восклицания «О, отрадная ночь», тогда как у Проперция здесь «*O iucunda quies*» («О, радующий покой»; «*iucundus*» — «приятный, милый, доставляющий удовольствие, радующий», «*quies*» — «покой, отдых, сон, сновидение, молчание, мир, успокоение, тишина, место отдыха»), и в этой же элегии в стихе 3 «*iucunda voluptas*» («радующее удовольствие»; «*voluptas*» — «удовольствие, наслаждение (в том числе чувственное), сладострастие, похоть, низменная страсть, *ласк.* радость») — «отрадное счастье». В XI элегии, обращенной к Цинтии, которая отдыхает на курорте в Байях, стих 24 «*Omnia tu nostrae tempora laetitiae*» («Ты все время нашей радости»; «*laetitia*» — «радость, веселость, веселье, ликование, привлекательность, очарование») переведен: «Всей и отрады моей время единое ты»; в XIV элегии, обращенной к Туллу, в стихе 1 «*abiectus molliter*» («легко раскинувшись»)

вешний день среди стремленья...» (1891), «Когда смущенный умолкаю...» (1892) и др.

²⁷ См. также: «Шумела полночная вьюга...» (1842), «Я люблю его жарко: он тигром в бою...» (1847), поэма «Две липки» (1856), «В душе измученной годами...» (1867), «Прекрасная ночь» (из Гёте) (1878), «Боги Греции» (из Шиллера) (1878), «Вечный хмель мне не отрада...» (1887), «Все, все мое, что есть и прежде было...» (1887), «На качелях» (1890), «Опавший лист дрожит от нашего движенья...» (1891), «Давно в любви отрады мало...» (1891), «Не отнеси к холодному бесстрастью...» (1892), «Ночь лазурная смотрит на скошенный луг...» (1892) и др.

переведено «в отрадной раскинувшись неге»; в XIX элегии при переводе «*gaudia*» («*gaudium*» — «предмет радости») вновь выбирается слово «отрада»: «*Sed cupidus falsis attingere gaudia palmis*» («А стремящийся коснуться неверными ладонями предмета радости») — «А чтоб отрады своей коснуться лишь призраком пальцев» (ст. 9); а в XX элегии прилагательное «отрадный» вводится Фетом при переводе образа «*mollia <...> litora*» («отлогие берега»; «*mollis*» — «отлогий, некрутой, спокойный, мягкий») — «берег отрадный» (ст. 21–22). В этой же элегии ниже, в стихе 34, описание берега в переводе вновь дополняется эпитетом «отрадный»: «*grata domus <...> humida*» («влажный, приятный дом»; «*gratis*» — «приятный, привлекательный, милый, благодарный») — «влажный, отрадный приют».

Во второй книге, как говорилось выше, Фет использует слово «отрада» шесть раз: в V элегии, где герой угрожает отомстить Цинтии за измены — «*At tu, per dominae Iunonis dulcia iuga*» («Ты же, через владычицы Юноны приятную власть»; «*dulcis*» — «прелестный, очаровательный, сладостный, приятный») переведено «Ты ж, умоляю тебя Юноны отрадною властью» (ст. 17); в VI элегии «*sub tacita <...> laetitia*» («в молчащем очаровании») — «в отраде немой» (ст. 32); в стихе 3 X элегии («К Музе») «*libet <...> memorare*» («хочется прославлять») — «отрадню воспеть»; в стихе 17 XII элегии герой спрашивает Амура: «*Quid tibi iucundum siccis habitare medullis?*» («Что тебе за удовольствие проживать в сухих костях?»), Фет перевел: «Что за отрада тебе в костях проживать иссушенных?»; в стихе 44 XXII элегии вместо «*iuvat*» («приятно, нравится») — вновь «отрада», что семантически является дословным переводом, но не стилистически; то же самое и в стихе 59 XXXIV элегии: «*iuvet*» переведено «отрадню».

В третьей книге слово «отрадню» используется уже значительно реже: кроме упомянутой V элегии «*me iuvat et multo mentem vincere Luaeo*» («мне приятно и терять сознание в обилии Лиея») — «Мне *отрадню* терять сознание в обилии Лиея» (ст. 21), при переводе именно любовных элегий слово «отрада» и его производные более не встречаются. Еще раз Фет использует «отрадню» (вместо «*dulcis*») в переводе стиха 45 элегии, написанной Проперцием на смерть своего друга Пэта (VII «На смерть Пэта из-за корысти»). Возможно, снижение употребления этого слова в переводе продиктовано общим изменением тоналности третьей книги.

В четвертой книге в любовной элегии «отрада» появляется лишь единожды: при переводе стиха 63 XI элегии: «*Tu, Lepide, et tu, Paule, meum post fata levamen*» («Ты, Лепид, и ты, Павел, мое после смерти облегчение») — «Ты, мой Лепид, и ты, Павл, моя и по смерти отрада», а также дважды в этиологических элегиях: в VI элегии («Об акциум-

ской морской битве») — «*candida* <...> *convivia*» («радостные пиры»; «*candidus*» — «радостный, счастливый, безоблачный, безмятежный») переведено «отрадные пиры» (ст. 71) и в X элегии («Юпитер Феретрий») вновь «*non iuvat*» — «мало отрады» (ст. 4). Таким образом, текст Проперция изменяет и лексика собственного поэтического языка Фета.

Предпочтение определенного слова при переводе отмечается и в других случаях. Так, при переводе стихов, описывающих море, последовательно во всех четырех книгах используется слово «зыбь», хотя Проперций выбирает разные лексемы. Например, стих «*Aegaeo* <...> *salio*» («эгейским морем»; «*salum*» — «море, морское волнение, качка») Фет перевел «через эгейскую зыбь» (1-я кн., VI, 2); «*At non sic Ithaci digressu mota Calypso / Desertis olim fleverat aequoribus*» («Но не так Калипсо, взволнованная уходом итакийца, / Некогда рыдала у безлюдного моря»; «*aequor*» — «водный простор, поверхность моря») — «Но Калипсо не так, итакийца волнуясь уходом, / Некогда слезы лила у опустевших зыбей» (1-я кн., XV, 9–10), «*Ionio* <...> *rore*» («в ионийской влаге») — «в ионийских зыбях» (2-я кн., XXVI, 2), «*e rubro* <...> *salio*» («из красного моря») — «из красных зыбей» (3-я кн., XIII, 6), «*in toto* <...> *Ionio*» («во всем Ионическом море») — «по ионийским зыбям» (3-я кн., XI, 72) и др. Последовательность в выборе определенного слова, имеющего к тому же древнерусское происхождение, для перевода разных лексем оригинала также привносит новые черты в художественный мир римской элегии.

Все перечисленные изменения оригинального текста, конечно, затрагивают и ключевую фигуру элегий Проперция — сам образ Цинтии. Сумев передать выразительную пластичность, осязаемость в изображении героини, свойственную в целом образам в элегиях Проперция, Фет наделил ее также иными чертами. Цинтия в элегиях Проперция — не абстрактный собирательный образ, а реальная женщина, составляющая самую суть подавляющего большинства любовных элегий. Говоря об особенностях любовной лирики римского поэта, Фет пишет, что «без Цинтии не было бы и самих элегий Проперция»,²⁸ поскольку тема любви к ней составила основу его элегий, их суть: «Развивая один за другим свитки элегий Проперция, мы с первых строк и до последних, исключая четвертой книги <...>, встречаемся лицом к лицу с женщиной, составляющей главное содержание, тогда как все другое является только вспомогательным средством».²⁹ Непостоянная, своенравная, ревнивая Цинтия, какой ее изобразил Проперций,

²⁸ Фет. Проперций. С. 8–9.

²⁹ Там же. С. 5–6.

в переводе Фета обрела большую мягкость, духовность, а отношение к ней героя в некоторых элегиях даже более нежное, нежели в оригинале. Эти изменения прослеживаются уже при анализе перевода обращений лирического героя к своей возлюбленной.

В первой книге герой обращается к Цинтии в основном по имени и лишь дважды использует обращение «*vita*» («жизнь»). Фет переводит по-разному: во II элегии первой книги «*vita*» заменяет на «душа» (ст. 1), в VIII элегии — на «жизнь моя» (ст. 22). В обоих случаях появляются обращения, более свойственные русской культуре. Кроме того, эпитет «душа» и притяжательное местоимение «моя» вносят в изображаемые чувства и в сам образ героини, с одной стороны, больше духовности, с другой — больше интимности, субъективности.

Во второй книге характер обращения к героине и его перевод ощущимо меняются. С одной стороны, сохраняется обращение «*vita*» («жизнь»), которое Фет, как и в первой книге, переводит то «моя жизнь» (2-я кн.: XXIV, 29; XXX, 14), то «душа» (2-я кн., XIX, 27). В стихе 1 XXVI элегии лирический герой обращается к возлюбленной «*mea vita*» («жизнь моя»), Фет переводит дословно. Появляется и новое обращение — «*mea lux*» («мой свет»), которое Фет везде переводит дословно (см.: XIV, 29; XXVIII, 59; XXIX, 1). В XIII элегии, где поэт, изображая свою смерть, просит Цинтию не забывать его могилу, «сага» («милая») Фет также перевел точно (ст. 40). С другой стороны, во второй книге появляются новые эпитеты по отношению к возлюбленной: в IX элегии «*perfidia*» («вероломная, неверная») Фет переводит дословно — «вероломная» (ст. 28), как и в XXX элегии «*demens*» («безумная») также остается адекватной оригиналу (ст. 1). В стихе 13 XVII элегии поэт обращается к любимой «*impria*» («злая, нечестивая, преступная, гнусная») — Фет переводит «злодейка», усиливая экспрессию стиха введением бранного разговорного слова; а в VIII элегии второй книги «*improma*» («негодная, дурная, нечестная») изменяет на «злая» (ст. 14). Это изменение характера обращений в элегиях Проперция, переданное Фетом в переводах, также отражает противоречивость любовного чувства, изображаемого во второй книге.

В третьей книге перевод обращений выполнен почти точно: «*o cara mihi*» («о моя дорогая, милая») — «дорогая моя» (X, 11), «*mulier*» — «женщина» (XXIV, 1), «*puella*» («девушка») — «дева» (XXI, 16; XX, 10); дважды герой обращается к Цинтии по имени (XXIV, XXV), Фет переводит дословно. При этом в третьем лице герой по-прежнему называет Цинтию «*domina*» («госпожа, хозяйка; повелительница, владычица»), такое обращение к любимой женщине, как и идея рабского служения в любви, является общим местом римской любовной элегии. При переводе Фет в большинстве случаев выбирает значение «го-

спожа», однако в начале XVI элегии («О повелении возлюбленной») «Nox media, et dominae mihi venit epistola nostrae: / Tibure me missa iussit adesse mora» («Середина ночи, и от нашей госпожи пришло мне письмо: / В Тибур мне приказала быть без промедления она») Фет перевел: «В полночь явилось ко мне письмо от владычицы дева, / Без замедленья она быть мне велела в Тибур» (ст. 1–2), выбрав вариант «владычица», что способствовало передаче торжественного тона стиха. Отметим, что обращение «владычица» традиционно для христианской церкви по отношению к Богородице (как и дева), поэтому выбор этого варианта позволяет говорить об обожествлении образа возлюбленной в переводе Фета. Эта черта свойственна и античным элегикам, само слово «domina» употребляется в том числе при воззвании к богиням. Интересно, что такого же варианта перевода — «владычица» вместо «госпожа» — Фет придерживается и в III элегии, но в отношении Венеры, переведя фразу «Veneris dominae» как «Венеры владычицы» (ст. 31).

Выбор определенного варианта значения слова просматривается и при переводе стихов, раскрывающих упомянутую выше идею служения любимой женщине. Слово «servitium» («рабство, неволя, служба») встречается у Проперция три раза в первой книге и по одному разу во второй и третьей. В первой книге Фет дважды выбирает вариант перевода «служба»: в стихе 4 IV элегии, а также в стихе 19 V элегии, когда герой еще счастливо переживает моменты взаимной любви. В этих случаях речь идет о приятной службе, хоть и называет ее поэт «grave servitium» («gravis» — здесь: «тяжелый»), в переводе Фета «тяжко служить» (1-я кн., V, 19), но лишь от своенравия красавицы, а не от ее безразличия. Такого же перевода Фет придерживается в XX элегии второй книги: «servitium (mite)» («mitis» — «легкий, приятный, кроткий, спокойный») вновь переведено как «(кроткая) служба» (ст. 20), герой клянется Цинтии в верности и любви. В XII же элегии первой книги, где речь идет о ссоре с возлюбленной и о том, что Цинтия охладела к герою, «servitium» переведено как «рабство» (ст. 18). Также и в XVII элегии третьей книги, где поэт пытается окончательно забыть Цинтию и свою любовь при помощи служения Вакху, «servitium» переведено как «рабство (гордыне)» (ст. 41), что дополнительно подчеркивает негативный характер чувства.

В четвертой книге уже отсутствуют такие обращения к Цинтии — элегий, посвященных непосредственно ей, всего две (обе «О Цинтии»), и обе отнесены к событиям, развернувшимся в прошлом. Однако и здесь можно проследить общую линию изменения образа Цинтии в переводе по сравнению с оригинальным текстом. Так, в VII элегии, где к спящему поэту во сне является недавно умершая Цинтия, стих 5

«Quum mihi somnus ab exsequiis penderet amaris» («Когда мне сон следовал после горького погребения») Фет перевел: «Как волновался мой сон за погребением милой», используя дополнительный эпитет «милой» по отношению к Цинтии, что вносит ноту нежности в общий грустный тон стихотворения.

Выражение ласкового отношения героя к Цинтии, бóльшая нежность при ее изображении достигаются в переводе и использованием деминутивов.³⁰ Уменьшительные формы появляются при создании портрета героини, пейзажа, в интерьере, чтобы придать образу Цинтии больше теплоты, душевности, чем в оригинале: во II элегии первой книги, где герой восхищается естественной красотой любимой и сравнивает ее с природными красотами, Фет перевел «lympha» («чистая вода, влага») как «речка» (ст. 12), «volucres» («птицы») как «птички» (ст. 14); в XVI элегии первой книги, сохранив в стихе уменьшительные формы «vocula» («словечко») и «auricula» («ушко»), Фет добавил еще один деминутив: «О, когда бы мое словечко проникло сквозь щелку / И, к госпоже донесясь, прямо попало в ушко!» (ст. 27–28), тогда как у Проперция «O utinam traiecta cava mea vocula **rima** / Percussas dominae vertat in auriculas!». В VI элегии третьей книги («К Лигдаму»), которая построена в форме диалога лирического героя с рабом Цинтии Лигдамом, герой спрашивает раба, не горюет ли Цинтия в разлуке после ссоры с Проперцием. Нежный, беззащитный образ тоскующей возлюбленной, который создает Проперций в первой части элегии, в переводе Фета усиливается появлением двух деминутивов: «локоткам» вместо «lacertis» («рукам», ст. 13) и «ларчик» вместо «scrinia» («ларцы», ст. 14). Во второй части в стихе 21 вновь появляется уменьшительное слово — «бедняжку» (у Проперция «miseram» — «несчастную»), что создает дополнительную переключку между первой и второй частями элегии. При переводе послед-

³⁰ Конечно, это не единственная функция деминутивов в переводе Фета. Например, иногда уменьшительные формы служат усилению негативного тона стиха: в стихе 10 XXI элегии второй книги «maritus» («муж, супруг, искатель руки, жених») переведено как «муженек», что в контексте этого стихотворения усиливает презрительный тон стиха: «Dispeream, si quidquam aliud, quam gloria, de te / Quaeritur: has laudes ille maritus habet» («Пусть я сгину, если что-нибудь другое, чем слава, от тебя / Требуется: тот муж имеет такие заслуги») — «Пусть пропаду, если он иного чего, как хвалиться / Ищет тобой; вот чем хвастает тот муженек» (ст. 9–10). В некоторых элегиях Фет отказывается от деминутивов там, где они есть у Проперция, придавая большую серьезность и торжественность тексту. Так, стих 41 XXVI элегии второй книги («К Цинтии о приснившемся кораблекрушении»), где римский поэт заявляет, что готов на все, «Illa meis tantum non usquam desit ocellis» («Лишь бы она никогда не оставила мои глазки») Фет перевел: «Лишь бы она у меня никогда из очей не скрывалась», усиливая патетику текста.

него стиха XX элегии третьей книги («К подруге») Фет смягчил суровость последних строк Проперция, где он проклинает того, кто посмеет нарушить любовный союз: «Nec flenti *dominae* patefiant nocte *fenestrae*. / Semper amet, fructu semper amoris egens» («И пусть не откроются плачущему ночью окна госпожи. / Всегда пусть любит, плода любви всегда лишенный»). Некоторому снижению патетического тона способствовало использование деминутива и замена «*dominae*» («госпожи») на «милой»: «Пусть и на слезы его не раскроются *милой окошки*, / Вечно пусть любит, плодов вечно лишенный любви».³¹

Все отмеченные расхождения с оригиналом, допущенные Фетом, в итоге изменяют стих римского поэта. Так в античной элегии появляются элементы, ей не свойственные. Они дополняют сам образ героини новыми, отнюдь не римскими, чертами, делая ее ближе и понятнее русскому читателю, смягчая образ, поэтизируя, что достигается использованием фольклорной и церковно-христианской лексики при характеристике Цинтии, появлением в переводе исконно русских слов, устойчивых выражений. Все это вызывает в сознании читателя ассоциации с русской национальной культурой, а не с античной. Отразив все психологические нюансы сложного любовного чувства, рисуемого Проперцием, его эволюцию, Фет обогатил любовную тему и образами русской романтической поэзии.

Вместе с тем часть допущенных изменений объясняется трудностями передачи смысла латинского текста средствами русского языка, учитывая стремление Фета придерживаться размера оригинала и не нарушать объем элегий и порядок стихов. Некоторые отклонения (например, в передаче приемов поэтического синтаксиса) несущественно меняют характер оригинального стихотворения, так как в целом соответствуют поэтике любовных элегий Проперция и свидетельствуют о безусловном понимании Фетом ее специфики.

³¹ Перевод «fenestrae» как «окошки», когда речь идет о Цинтии, наблюдается на протяжении всех четырех книг. См.: 1-я кн., III, 31; 2-я кн., XIX, 5; 3-я кн., XX, 29; 4-я кн., VII, 16.